

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-119-132

М.А. Елдин, С.И. Малоземов

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
430005 г. Саранск, Российская Федерация

Аграрная политика Никейской империи и духовно-нравственный фактор в истории восстановления византийской державы

Православные христиане, создав собственную парадигму культурного универсализма, по-прежнему выражают уверенность в том, что исключительно они являются истинно верующими и имеют шанс на спасение. Одной из определяющих черт византийской цивилизации, на которую ориентировалась Никейская империя, являлось непосредственное влияние богословия, выполнявшего роль основной государственной идеологии, на осмысление реальности. С позиций восточного византийского христианства понимается социальная роль и характер земельной собственности Никейской империи. Император, используя античную идею общего блага, проявляет заботу о подданных путем создания системы земельных пожалований, поддержки свободного крестьянства, предоставления привилегий монастырям. Тем самым Никейская империя претендовала на консолидацию греческого населения и наследие Византии.

Ключевые слова: Никейская империя, Византия, аграрный сектор, крестьянство, феодальные отношения, форма собственности, провинциальная собственность, идея национального греческого объединения, идея воссоздания Византийской империи

© Елдин М.А., Малоземов С.И., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Елдин М.А., Малоземов С.И. Аграрная политика Никейской империи и духовно-нравственный фактор в истории восстановления византийской державы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 119–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-119-132

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-119-132

M.A. Eldin, S.I. Malozemov

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, 430005, Russian Federation

The agrarian policy of the Nicene Empire and the spiritual and moral factor in the history of the restoration of the Byzantine Empire

Orthodox Christians, having created their own paradigm of cultural universalism, still express confidence that they are the only true believers and have a chance of salvation. One of the defining features of the Byzantine civilization that the Nicene Empire was oriented towards was the direct influence of theology, which served as the main state ideology, on the understanding of reality. From the standpoint of Eastern Byzantine Christianity, the social role and nature of land ownership of the Nicene Empire is understood. The Emperor, using the ancient idea of the common good, takes care of his subjects by creating a system of land grants, supporting the free peasantry, and granting privileges to monasteries. Thus, the Nicene Empire claimed to consolidate the Greek population and the legacy of Byzantium.

Key words: The Nicene Empire, Byzantium, agricultural sector, peasantry, feudal relations, form of property, provincial property, the idea of a national Greek Association, the idea of recreating the Byzantine Empire

FOR CITATION: Eldin M.A., Malozemov S.I. The agrarian policy of the Nicene Empire and the spiritual and moral factor in the history of the restoration of the Byzantine Empire. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 119–132. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-119-132

В истории Средневековья роль Никейской империи заключается не только в восстановлении византийской державы. Она продемонстрировала факт спасения и последующего развития уникального синтеза античности и эллинистической христианской культурной традиции. Отечественный византинист С.Б. Дашков весьма обстоятельно замечает: «Никея стала и выдающимся центром культуры. Лишенная при Ласкарисах универсалистских замашек, империя превратилась в средневековое греческое государство с высоким уровнем национального сознания и патриотизма» [4, с. 246].

Из византийской эпохи идет понятие таксиса как одного из центральных понятий политической идеологии православных государств. Его смысл заключается в осознании сближения обеих порядков: земного и небесного. Византия являла собой пример схождения сил общественного напряжения в лице царской власти, которая стремилась к снятию данного напряжения [17, с. 44–75]. Следовательно, власть истинного православного царя в конфессиональной культуре выступает гарантией возможного спасения после смерти. Неудивительно, что на массовость крестьянских войн могут влиять не только социально-экономические процессы, но и ощущение потери «чувства святости» государства, окончания «освященной благодатью» жизни и наступления бездуховности. Эту бездуховность, кстати, четко ощущали религиозные философы начала XX в.

В 1261 г. никейский император Михаил Палеолог, отстаивавший идею воссоздания византийской государственности, завладел Константинополем и восстановил Византийскую империю под властью новой династии из Палеологов. По этому поводу академик Ф.И. Успенский отмечал, что Никейская империя – одна из трех империй, возникших на обломках Византийской империи, не мыслилась без взятия латинянами Константинополя, лелея идею восстановления греческого царства. Осуществление же данной идеи предопределило конец существования Никейской империи [14, с. 478]. Советский византинист Б.Т. Горянов отмечал, что в условиях Никейской империи среди ее правителей укрепилось представление о том, что «утверждение нового императора должно было сопровождаться согласием не только столичного населения, но и населения всех провинций» [3, с. 66].

Динамика социокультурного процесса Восточно-Римской империи характеризовалась тем, что византийское общество сочетало интенсивное развитие и медленное затухание [5, с. 111]. Современный исследователь имперского подхода к истории региональных пространств И.В. Бахлов верно писал о трагедии империи, которая обусловлена замедлением поступательного хода общественного развития по причине

сопротивления косных, традиционных форм государственного управления [1, с. 110]. Потому ее легко оккупировали «латиняне и франки», а затем и турки. Однако в условиях временного ослабления соседей Никейской империи среди множества греческих центров выделялась именно она. Экономические ресурсы, эффективная оборона империи на фоне ослабленных соперников, но особенно наличие своего греческого православного патриарха с резиденцией в Никее, которого большинство духовенства и населения греческих земель ассоциировало с законным преемником константинопольского патриарха, позволяло Никейской империи претендовать на консолидацию греческого населения и наследие Византии, что не было лишено оснований.

Являясь слабым подобием Византийской империи, никейское государство демонстрировало быстрый подъем и рост, обусловленный рядом причин. Среди них важное значение имели географическое положение западных регионов Малой Азии, специфика внутреннего развития государства и политика, проводимая императорами из династии Ласкарисов. В частности, под личным контролем Иоанна III велась работа по созданию императорских поместий. В свою очередь, разумная налоговая политика в поместьях стимулировало производство, которое демонстрировало «невероятно высокий уровень» развития [4, с. 278]. Социальной базой никейских правителей являлись, прежде всего, средние землевладельцы, зажиточное свободное крестьянство, военные поселенцы-стратиоты и акриты, на защиту интересов которых и была направлена внутренняя политика Никейской империи. Так, в отношении крестьянства предполагалась невысокая налоговая нагрузка, следствием которой явилось повышение урожайности, поголовья скота в свободных крестьянских владениях. Американский социолог Ш. Эйзенштадт справедливо отмечает: «византийская система проявляла относительно высокую способность к преобразованиям и перестройке своей внутренней структуры, особенно это касалось изменений, затрагивающих соотношение сил между императорскими правящими кругами и аристократией, с одной стороны, и свободным крестьянством – с другой» [18, с. 179].

Благодаря развитию пахотного земледелия, животноводства и скотоводства сельское хозяйство для государства выступало основным источником доходов. Ведущими экспортными статьями выступали продукты питания и зерно. Доходность сельского хозяйства позволяла развивать ремесленное производство, осуществлять городское строительство, стимулировать торговлю. В целях укрепления социальной базы никейское государство оказывало материальную помощь церкви, занималось созданием приютов, богаделен и больниц, что также было возможным

благодаря доходности сельского хозяйства. В конечном счете, данные социально-экономические мероприятия наряду с миграцией из других греческих земель обеспечили прирост численности населения Никейской империи.

Императоры второй половины XIII в. видели для себя опасность в лице крупного землевладения, препятствовали его росту, одновременно спасая собственные политические и фискальные резервы. В целях поддержания централизованной государственности императоры пытались использовать свободное крестьянство, заигрывая с ним, и одновременно решая проблему преодоления политического сепаратизма в лице феодальной знати. При этом обратим внимание на отсутствие стремления императоров выступить в роли защитников народа. Крестьянство рассматривалось лишь как инструмент политической борьбы. Тогда как для никейских императоров, способствовавших созданию крупных поместий придворной и местной знати, такая система являлась эффективным средством консолидации феодалов вокруг императорского престола.

Таким образом, свободное крестьянство призвано было выполнять двуединую задачу. Во-первых, экономические бедствия Никейской империи в определенной степени ложились именно на его плечи. Во-вторых, благодаря крестьянству сглаживались противоречия, которые были обусловлены незначительным сохранением рабов, именуемых к этому времени париками, с одной стороны, и развитием системы колоната – с другой. Следовательно, источником обогащения аристократии выступало рабство и колонат, тогда как свободное крестьянство рассматривалось источником сильной государственности. Благодаря сохранению этой относительной устойчивости возможно было поддержание государственности, избегая опасных социальных конфликтов. К тому же размер барщинных повинностей крестьян в феодальном хозяйстве был незначителен. В частности, это подтверждается сведениями из окладного листа г. Лампсак (XIII в.): крестьяне, имевшие не более двух волов, отбывали барщину не более семи дней в году [6, с. 118].

Сочетание городского товарного производства с натуральным хозяйством деревни ранней Византии, которое можно назвать благоприятным, свидетельствовало о многообразии ее экономических форм. Огромные внутренние области Византии оставались по преимуществу крестьянскими, где население продолжало жить в условиях господствующего натурального хозяйства. В то же время приморские города отличались высокой степенью развитости торговли и промышленного производства, которые практически не были связаны с аграрной периферией империи. Неудивительно, что товаризация хозяйства аграрной

периферии была лишь частичной. Государство не столкнулось с проблемой гипертрофии торговли, как, например, античная Греция, где слишком узкая аграрная база выступала тормозящим фактором торгово-промышленного подъема. В конечном итоге, вся экономическая система древней Греции характеризовалась неустойчивостью.

Стабильность экономической системы Никейской империи, по словам Г.Г. Литаврина, была обеспечена, во-первых, плодородными землями Малой Азии, и, во-вторых, наличием мощной системы пограничной обороны восточных границ империи, которая функционировала еще при Комнинах [8, с. 31–32]. Поэтому ослабленные торговые позиции империи не способствовали нарастанию экономического кризиса, тем более учитывая имеющиеся нетронутые экономические резервы периферии с ее натуральным хозяйством. В города империи их экономически отсталых аграрных областей стекались богатства, способствовавшие процветанию городской экономики. Отбитые и реколонизированные у турок земли, из которых состояла Никейская империя, позволили бросить вызов иностранной торговой экспансии. Например, при никейском императоре Иоанне III Дуке Ватаде (1222–1254 гг.) были введены запретительные пошлины на иностранные ткани в целях стимулирования собственного ремесленного производства. Экономическое развитие аграрной периферии и городов Никейской империи характеризует ее как страну городской культуры с развитой торговлей и промышленностью. Очевидно, что достижению успехов в своем экономическом развитии империя достигала за счет эксплуатации аграрной периферии.

Анатолийская экономика греческих городов оказалась довольно устойчивой. Города Малой Азии характеризовались как значительные центры регионального ремесла и торговли. Императорская власть демонстрировала заинтересованность в возрождении и расширенном производстве оружия, полихромной посуды, шелковых тканей. Надежным внешнеэкономическим партнером Никейской империи выступал Румский султанат, экономические связи с которым укреплялись. Благодаря этому империя экспортировала большие объемы такой сельскохозяйственной продукции, как масло и хлеб. Средства, вырученные от внешней торговли, императорская власть направляла, в частности, на восстановление флота. Однако никейский флот оставался незначительным, что не позволяло империи достичь державного статуса. Подтверждением является пример заключения Михаилом VIII в 1261 г. торгового договора с Генуэзской республикой, обладавшей сильным флотом, в борьбе с Латинской империей. Таким образом, распространение феодальных отношений, которые способствовали превращению свободных крестьян в феодально зависимых крестьян-париков, а также

процесс углубления феодальной раздробленности сдерживались внешними факторами [7, с. 172–173].

О характеристике хозяйства в Никейской империи свидетельствуют грамоты знаменитого на весь Левант монастыря Лемвиотиссы, с которыми можно столкнуться во многих исследованиях ученых, занимавшихся сельскохозяйственной тематикой. Именно сельское хозяйство являлось в Никейской империи главной статьей государственных доходов. Регионы Смирны и Нимфалии стали центром жизни Империи, плодородные земли которых позволяли развивать такие отрасли сельского хозяйства, как виноградарство, пчеловодство, садоводство и скотоводство. По словам З.В. Удальцовой, в XIII в. Никейская империя явилась одним из важнейших сельскохозяйственных рынков для итальянских городов [13, с. 30–31]. Кроме того, выдающийся никейский император Иоанн III Дука Вадац заботился и о подъеме сельского хозяйства, которое, как выяснилось, являлось источником доходов для других отраслей экономики. Предусматривалась необходимость тщательного, осмысленного ведения хозяйства, обработка полей и виноградников, разведение скота. Из соседнего Румского султаната в империю поступали деньги и золото в большом количестве. По словам Г.А. Острогорского, выдумка в хозяйственной деятельности никейского императора оказалась весьма продуктивной. Особого внимания заслуживают его хозяйственные мероприятия, которые способствовали такому процветанию Византийской империи, которого она не знала уже давно [12, с. 597].

Монгольское нашествие, которое обошло империю никейцев стороной, но произвело тяжелое опустошение в соседних странах, принудило сельджуков, трапезундцев и других обращаться за продовольствием в Никею. Потому никейцы не испытывали больших проблем с финансами. Однако Никейская империя ощущала на себе конкуренцию итальянских республик с их ремесленно-цеховой организацией, обеспечивающей существенные конкурентные преимущества в торговле и промышленности.

Таковы разнообразные причины жизнеспособности Никейского государства, обусловленные многими особенностями ее экономического и политического развития. По верному наблюдению Г.Г. Литаврина, Никейская империя превращалась в мощное государство. Лишь первые два десятилетия после падения Константинополя были переходными, а процесс становления государственности – болезненным. Однако в дальнейшем молодая империя начала расцениваться в качестве наиболее вероятного наследника Византийской империи [8, с. 31–32].

Перенос экономического центра греческой цивилизации вглубь Анатолии способствовал ускоренному развитию провинциальных городов

(Эфеса, Смирны и др.) и торговли. Крупные хозяйства поставляли зерно в Европу и на Русь. Одновременно шел процесс прикрепления крестьян к земле.

Большую роль в никейской торговле играли православные монастыри как хозяйствующие субъекты. По данным И.П. Медведева, сохранившиеся «Акты монастыря Левмиотиссы показывают, что в первой половине XIII в. произошло значительное перераспределение земельной собственности между разными социальными группами» [10, с. 33]. В частности, в 1228 г. смирнский митрополит Георгий разбирает спор, возникший между монастырем Лемвиотиссы и крестьянами села Приновари [3, с. 179].

Доходы от императорских поместий позволяли удовлетворять потребности двора и вести значительное церковное строительство. Однако сокращение свободного крестьянства имело пределы роста налоговой нагрузки на него. Для решения проблемы роста доходов Иоанн III Дука Ватац пошел по пути «организации императорских поместий на государственной земле» [8, с. 35]. Он уделял огромное внимание поддержке духовенства Афона, Александрии, Иерусалима, Константинополя, Атики, Фессалоник и даже поддерживал культурные связи с далекой Русью.

По свидетельствам источников, уже в XII в. императорская династия Комнинов способствует оформлению основных институтов землевладения, получивших развитие и при Ласкарисах. Во-первых, получает свое юридическое оформление и укрепляется феодальный институт пронии – попечения о выморочных изначально земельных участках со стороны служилой элиты никейцев. Рост прониарских владений объяснялся необходимостью укрепления вооруженных сил империи. Поэтому прония обретает статус держания с обязательством несения военной службы. Во-вторых, развивается крупная светская экзимированная собственность, которая была освобождена от необходимости уплаты налогов. Данный процесс объясняется укреплением политического влияния знатных семей империи, сосредоточивших в своих руках все высшие гражданские и военные должности, тем самым образуя аристократический комниновский клан. И в-третьих, укрепляется монастырская вотчина как разновидность провинциального землевладения.

К моменту рождения Никейской империи окончательно оформляются различные формы крупной провинциальной собственности. На протяжении XIII в. фактически они приобретают статус экзимированных владений, т.к. центральная власть предоставляет им податную привилегию – экскуссию. Подобное отношение к провинциальной собственности, на наш взгляд, связано с постепенно ослабевающим государственным контроле над ней.

В XIII в. провинциальная собственность и ее институты имели региональные различия, которые связаны с разнообразием аграрно-правовых отношений в провинциях Никейской империи. Например, в Малой Азии постепенно расширялось крупное провинциальное землевладение, тогда как в трапезундском регионе господствующей являлась мелкая крестьянская земельная собственность, основанная на личном хозяйстве. По данным К.В. Хвостовой, элитарии византийского общества обладали преимуществами и в налоговой сфере: «В Византии налоги платили все подданные, хотя представители элиты – физические и юридические лица – получали податный иммунитет» [16, с. 98]. В конечном счете, увеличение доли ручного труда, наряду с сохранением архаичных технологий в сельском хозяйстве и маргинализацией значительной части крестьянского населения, провоцирует лишь утрату стимулов к труду на фоне постепенно слабеющего государственного контроля над аграрным сектором экономики. Поэтому неминуемы кризисные явления в сельском хозяйстве [9, с. 31].

Местная земледельческая знать получает земельные наделы за службу, дарованные императором. Эта знать, главным образом, пополнялась из представителей пограничной (армянской или славянской) знати, либо из местного офицерства. Кстати, обращает на себя внимание тот факт, что еще в предыдущих столетиях в этом регионе практически отсутствовали крупные латифундии, что означало для провинциальной знати преобладание жалования за службу в качестве основного источника экономического благосостояния. Деньги и движимая собственность, а не земля являлись для провинциальной знати основой ее богатства.

В государстве греко-никейцев сохранялось право верховной собственности императоров над пожалованием земли в собственность. Земевладельцы-чиновники были под контролем государства. Это способствовало консолидации элиты вокруг престола Ласкарисов.

Армия наряду с аристократией выступала важнейшей социальной силой, заинтересованной в возрождении Византийской империи в Никее. Она обеспечивала функционирование Никейской империи. В свою очередь, финансирование армии и аристократии осуществлялось благодаря созданной при Комнинах системе прониарных субсидий. По мнению современного исследователя А.А. Волкофф, именно при династии Ласкарисов данная система получила дальнейшее развитие [2, с. 174]. С этим мнением солидарна греческий историк-византист Э. Гликадзи-Арвелер, которая, анализируя внутреннюю политику императора Феодора Ласкариса, отметила не только расширение прониарских владений, укреплявших никейскую армию, но и введение им института земельной прони [19, р. 55–57]. Кроме того, в целях

обеспечения лояльности и заинтересованности со стороны представителей местной знати активно применялась практика предоставления им земель за службу. Можно сказать, что аграрная политика Никейской империи была нацелена на прикрепление армии и знати к земле, одновременно обеспечивая их постоянными доходами и налагая ряд обязанностей. Местные аристократы и монастыри в своем стремлении к расширению земельных владений и увеличению доходов не останавливались даже перед возможностью фискального спора с самим императором. Как известно, они смогли сохранить свои пронии и после 1204 г. [19, р. 60], а некоторые и вовсе были освобождены от необходимости уплаты налогов.

Таким образом, реализуемая аграрная политика свидетельствовала о реализации процесса «восстановления Византии», инициированного Ласкарисами, по восходящей линии, в отличие от эпохи Палеологов, при которых укрепление позиций крупной феодальной собственности привело к упадку свободного крестьянского землевладения и означало резкий поворот от политики императоров Никейской империи по сдерживанию центробежных тенденций знати.

К.В. Хвостова относительно хозяйственной стороны вопроса в Византии замечала, что в отличие от Запада наблюдалась сильная сакрализация экономических понятий. Прежде всего, это относилось к тем понятиям, которые были связаны с функционированием права прецедентов. Механизм образования этих понятий состоял в переработке информации, относящейся к ведущим понятиям богословия. Расширилось семантическое поле богословских понятий. Возникал класс новых понятий с теми же наименованиями, но относящимися к экономическому праву [16, с. 40–41, 71–72]. Например, пожалование чиновнику за службу некоторой налоговой квоты именовалось прония, т.е. использовалось наименование божественного провидения, а ипостась – земельное владение. Это и обеспечивало сакрализацию экономико-правовых представлений. А на христианском Западе новое вещное право формировалось переработкой римского и варварского права. Понятия же богословия практически ушли из повседневной жизни. Ф. фон Халем, специалист по праву, полагает, что различие между понятиями «личность», «индивидуум» и «лицо» приобретает первенствующее значение, благодаря подобным дефинициям «в веру вторгается логично-рационалистическое мышление» [15, с. 29]. Не в этом ли искомые корни многих трагедий современности?

Разница кроется в различии менталитетов. Одному из них свойственно обожествление государства и права, другому – поиск логики и смысла в божественном. Возможно, этим объясняется даже такое различие,

как наличие или отсутствие в храме иконостаса. Да и дискуссия о языке богослужения, похоже, оттуда же. Энциклика «Вера и разум» органична для католичества, для которого необходимо не только верить, но и понимать. Для православия же скорее более близка формула «Верю, ибо абсурдно», неисповедимость путей Господних здесь возведена в принцип примата веры. Кажется естественным, что в результате слияние православия и католичества есть нечто недостижимое. Реально только их мирное сосуществование. А отсюда и вопрос о прозелитизме: человеку с «католическим» менталитетом сложно в православном храме и наоборот, «урожденному» (ментально) православному не страшны католические проповеди. К моменту катастрофы 1204 г. – разграбления латинянами Константинополя – Церковь уже имела отлаженный судебный аппарат квалифицированных судей. Крушение ромейской государственности вместе с ее судебной системой означало отсутствие возможности грекам судиться по нормам «ромейского права». Лишь в ряде мест сохранялись еще церковные суды, где это было возможно. Правда, латиняне ромейским судьям жалования не платили, а судили в большинстве случаев по своим «ассизам». Это означало распространение судебной компетенции латинян вплоть до их изгнания никейцами из Константинополя в 1261 г. даже на дела, не затрагивающих церковную юрисдикцию.

При издании закона в Византии большую роль выполнял авторитет издававшего, при этом закон имел этическую силу. Однако правовая энтропия, представляющая собой меру неупорядоченности правовой системы, тем более на территории «разобранной по частям» бывшей Византийской империи, конфликтами светской и церковной юрисдикций не ограничивалась. Некоторые источники содержат сведения о практически полном переходе судебных функций после падения Византии в 1204 г. в руки церкви [11, с. 187–205] и исчезновении имперского суда [20, р. 260]. Немецкий же специалист греко-византийского права Захарие фон Лингенталь и вовсе придерживался позиции о полном уничтожении судебной системы Византийской империи [21, S. 384]. В поздневизантийский период начинает усугубляться кризис общенационального сознания в условиях отсутствия фундаментальной базы общественной морали. Атомизированное общество продолжает ослабевать в духовном плане.

Попытка синтеза православного фундаментализма и политики лишь ухудшает ситуацию, отталкивая большую часть народа от православия. Окончательное падение Византии превращает Русское государство в один из центров борьбы греков, южнославянских народов против османского владычества. При этом греческий патриарх Константинополя

в этот период возглавлял православные общины – милети. Патриархи фактически занимали положение византийских императоров в среде им подвластных. Однако для поствизантийского пространства был характерен распад социокультурного единства общества, его институциональных моделей. Поэтому патриархи Константинополя, как и другие представители православной греческой общины, в своих отношениях с представителями русского государства и общества стремились укрепить византийское наследие, которое выступало мощным социально-политическим фактором укрепления положения народов Ближнего Востока и Восточной Европы, имеющих единую с греками веру.

Библиографический список / References

1. Бахлов И.В. От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск, 2004. [Bahlov I.V. Ot imperii k federacii: istoriko-politologicheskij analiz transformacii imperskih sistem v federativnyye [From empire to federation: Historical and political analysis of the transformation of imperial systems into federated]. Saransk, 2004.]
2. Волкофф А.А. Феодор I Ласкарис (1174–1221): социально-политическое исследование его жизни и правления. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. [Volkoff A.A. Feodor I Laskaris (1174–1221): socialno-politicheskoe issledovanie ego zhizni i pravleniya [Theodore I Laskaris (1174–1221): A socio-political study of his life and rule]. PhD diss. Moscow, 2017.]
3. Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. [Goryanov B.T. Pozdnevizantijskij feodalizm [Late Byzantine feudalism]. Moscow, 1962.]
4. Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996. [Dashkov S.B. Imperatory Vizantii [The Emperors of Byzantium]. Moscow, 1996.]
5. Елдин М.А. «Российство» и византийская духовная парадигма бытия социума: историософский контекст // XLVII Огарёвские чтения: Материалы научной конференции. Саранск, 2018. С. 110–114. [Eldin M.A. «Russianism» and the Byzantine spiritual paradigm of social existence: Historiosophical context. *XLVII Ogaryovskie chteniya: Materialy nauchnoj konferencii*. Saransk, 2018. Pp. 110–114. (In Russ.)]
6. Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. [Kazhdan A.P. Agrarnye otnosheniya v Vizantii XIII–XIV vv. [Agrarian relations in Byzantium of the XIII–XIV centuries]. Moscow, 1952.]
7. Курбатов Г.Л. История Византии: от античности к феодализму. М., 1987. [Kurbatov G.L. Istoriya Vizantii: ot antichnosti k feodalizmu [History of Byzantium: From antiquity to feudalism]. Moscow, 1987.]
8. Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи // История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 29–49. [Litavrin G.G. Socio-economic and political system of the Empire of Nicaea, Epirus Kingdom and of the Empire of Trebizond. *Istoriya Vizantii*. Т. 3. Moscow, 1967. Pp. 29–49. (In Russ.)]

9. Малоземов С.И. Модернизация сельского хозяйства России в переходных условиях // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 2 (10). С. 26–33. [Malozemov S.I. Modernization of Russian agriculture in transition conditions. *Gumanitarij: aktualnye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*. 2010. № 2 (10). Pp. 26–33. (In Russ.)]
10. Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики: Частноправовой акт. Л., 1988. [Medvedev I.P. Oчерki vizantijskoj diplomatiki: Chastnopravovoj akt [Essays on Byzantine diplomacy: Private law act]. Leningrad, 1988.]
11. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. [Medvedev I.P. Pravovaya kultura Vizantijskoj imperii [Legal culture of the Byzantine Empire]. St. Petersburg, 2001.]
12. Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. [Ostrogorsky G.A. Istoriya Vizantijskogo gosudarstva [History of the Byzantine state]. Moscow, 2011.]
13. Удальцова З.В. Византия и Западная Европа (типологические наблюдения) // Византийские очерки: Труды российских ученых к XV Международному конгрессу византинистов. М., 1977. С. 3–65. [Udaltsova Z.V. Byzantium and Western Europe (typological observations). *Vizantijskie oчерki: Trudy rossijskih uchenyh k XV Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov*. Moscow, 1977. Pp. 3–65. (In Russ.)]
14. Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. [Uspenskij F.I. Istoriya Vizantijskoj imperii XI–XV vv. Vostochnyj vopros [History of the Byzantine Empire in the XI–XV centuries. Eastern question]. Moscow, 1997.]
15. Халем Ф. фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток – Запад / Пер. с нем. Т. Кобзевой и Ю. Окпанского // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 26–51. [Halem F. von. Die Rechtsansichten der Eurasier: Rechtsordnung oder Wertordnung. Translation from German into Russian by T. Kobzeva and Yu. Okpansky. *Voprosy Filosofii*. 2002. № 7. Pp. 26–51. (In Russ.)]
16. Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009. [Khvostova K.V. Vizantijskaya civilizaciya kak istoricheskaya paradigma [Byzantine civilization as a historical paradigm]. St. Petersburg, 2009.]
17. Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь: К XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1990. [Chichurov I.S. Politicheskaya ideologiya srednevekovya: Vizantiya i Rus': K XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov [Political ideology of the Middle ages: Byzantium and Russia: To the XVIII International Congress of byzantinists]. Moscow, 1990.]
18. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. [Eisenstadt S.N. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitelnoe izuchenie civilizacij [Revolution and transformation of societies. A comparative study of civilizations]. Transl. from English. Moscow, 1999.]
19. Glykatzi-Ahrweiler H. La politique agraire des empereurs de Nicée. *Byzantion*. 1958. Т. 28. Pp. 51–66.
20. Raybaud L.-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire Byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354). Paris, 1968.
21. Zacharia von Lingenthal K.E. Geschichte des griechisch-romischen Rechts. Berlin, 1892.

Статья поступила в редакцию 09.11.2020, принята к публикации 10.12.2020
The article was received on 09.11.2020, accepted for publication 10.12.2020

Сведения об авторах / About the authors

Михаил Александрович Елдин – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск

Mikhail A. Eldin – Dr. Hab. in Philosophy; Professor at the Department of Philosophy of the Institute of History and Sociology, National Research Ogarev State University, Saransk, Russian Federation

E-mail: eldin1974@yandex.ru

Сергей Иванович Малоземов – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Sergey I. Malozemov – PhD in History; National Research Ogarev State University; Associate Professor at the Department General History, Political Science and Regional Studies of the Institute of History and Sociology, National Research Ogarev State University, Saransk, Russian Federation

E-mail: semalozemov@yandex.ru